

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ

Теория журналистики
как область исследования

.....

Социальные теории
журналистики

.....

Гуманитарное теоретическое
знание о журналистике

Авторы:

*И. Н. Блохин,
Е. Л. Вартанова,
М. А. Воскресенская,
С. Г. Корконосенко,
О. С. Кругликова,
Б. Я. Мисонжников,
В. А. Сидоров,
З. Ф. Хубецова*

Петербургская школа журналистики и МК

Коллектив авторов

Теория журналистики в России

«Алетейя»

2018

УДК 070
ББК 76.01

Коллектив авторов

Теория журналистики в России / Коллектив авторов —
«Алетейя», 2018 — (Петербургская школа журналистики и МК)

ISBN 978-5-907030-27-5

Коллективная монография открывает книжную серию «Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций», подготовленную учеными СПбГУ. Авторы ставят перед собой задачу обозреть и обобщить материал, накопленный теоретиками журналистики. Что представляет собой сегодня теория журналистики в России? Как она связана с мировыми тенденциями в изучении журналистики и медиасферы? В чем заключается ее национально-культурное своеобразие? Какие темы и проблемы разрабатываются особенно интенсивно и последовательно? Кто внес наиболее заметный вклад в пополнение научного капитала? Какие научные проблемы нашли адекватное решение и какие стоят на повестке дня? По каким путям будет двигаться теория журналистики завтра и послезавтра? Поискам ответов на эти вопросы посвящены главы, представляющие социально-философские, социологические, психологические, политологические, экономические, филологические разделы российской теории журналистики. Книга предназначена для исследователей теории и практики журналистики и массовых коммуникаций, а также широкого круга специалистов социально-гуманитарного профиля.

УДК 070
ББК 76.01

ISBN 978-5-907030-27-5

© Коллектив авторов, 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Петербургская школа журналистики и МК	7
1. Теория журналистики как область исследования	11
Глава 1.1. Дисциплинарный статус теории журналистики	11
1.1.1. Изменчивый объект теоретического анализа	11
1.1.2. Российская теория журналистики в международном контексте	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Теория журналистики в России

© Коллектив авторов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Петербургская школа журналистики и МК

Наша монография открывает собой книжную серию «Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций». Вероятно, может возникнуть вопрос о том, насколько оправдано со стороны авторов именоваться школой, нет ли здесь саморекламного преувеличения. Попытаемся коротко обосновать выбор названия серии.

Прежде всего, в нем есть формальное соответствие: книги готовятся сотрудниками института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», входящего в состав Санкт-Петербургского государственного университета. Но это и в самом деле скорее формальность, чем суть вопроса, тем более что к соавторству мы пригласили специалистов из некоторых других университетов. Важнее, что институт «ВШЖиМК» действительно представляет собой крупный академический центр, который ведет активную исследовательскую работу и заслужил известность не только в своей стране, но и в международном научном сообществе. Свою историю он ведет с 1945 г., когда было создано первое в Советском Союзе отделение журналистики на филологическом факультете. В дальнейшем, по мере количественного роста и приобретения нового опыта, отделение преобразовывалось в факультет журналистики, который, в свою очередь, в 2011 г. приобрел статус института. Сейчас он состоит из 12 специализированных кафедр, на которых трудятся 35 докторов и 60 кандидатов наук, не считая многочисленных других сотрудников и молодых ученых. Ежегодно все они публикуют 700–900 научных произведений в разных жанрах, включая статьи в изданиях, индексируемых в престижных международных базах данных Web of Science и Scopus. Приведенные данные говорят как минимум о высоком потенциале коллектива, а фактически – об устойчивой, многолетней, тематически разнообразной исследовательской работе в сфере журналистики и массовых коммуникаций. В этой сфере центров такого уровня насчитываются единицы, не только в России, но и в мире.

Значит, есть основания искать в деятельности большого коллектива с длительной историей признаки своеобразной научной школы.

Чтобы придать работе целенаправленный характер и добиваться результатов мирового уровня, в институте была принята стратегия развития науки, с ясно обозначенными ориентирами. Одна из центральных целей сформулирована следующим образом: «Обеспечение лидирующего положения в своей научно-исследовательской области, в соответствии со статусом СПбГУ как одного из двух ведущих университетов России». Установка на лидерство не имеет под собой конъюнктурных мотивов, она продиктована ответственностью, лежащей на ведущем университете страны. Плодами нашей научной деятельности пользуются коллеги и партнеры из многих других научных и учебных организаций, так же, как они пользуются нашими учебниками, выходящими в крупнейших издательствах и рекомендованными федеральными учебно-методическими объединениями.

Но за тезисом о лидирующем положении стоит еще один смысл, не менее существенный и актуальный. Процесс, состояние и достижения исследовательской работы российских ученых в сфере журналистики и массовых коммуникаций слабо известны за пределами нашей страны. Об этом приходится вести речь с сожалением как об отложенном долге отечественной науки. Мы слишком слабо и нерегулярно занимаемся собиранием и обобщением того огромного материала, которым располагаем, и еще менее энергично доносим его до глобальной корпорации специалистов. Между тем априори понятно, что России не должно занимать место на периферии мировой научной мысли и выступать в роли пассивного ретранслятора зарубежных теорий и концепций, при том что далеко не все из них отмечены интеллектуальным совершенством и прикладной ценностью. На международном рынке идей и знаний существует конкуренция, не менее острая, чем в экономике и политике. Чтобы участвовать в ней на равных

началах с другими национальными школами, нужно как минимум представить свою продукцию как материал для оценки и сопоставления. И это тоже одна из целей предлагаемой серии монографий.

Целенаправленное движение к поставленным целям может осуществляться при условии, что выбраны крупные проблемно-тематические направления и на них сконцентрированы усилия квалифицированных специалистов. По этой причине в дополнение к упомянутой стратегии развития науки в институте «ВШЖиМК» были определены приоритетные темы, дающие возможность и откликаться на современные запросы, и создавать межкафедральные авторские группы, и раскрывать исследовательский потенциал коллектива. В ряду таких тематических приоритетов назовем, например, следующие направления:

- общая теория и социальная теория журналистики;
- статус и поведение личности в массовой коммуникации;
- эстетика журналистики;
- стратегические коммуникации в PR и рекламе и др.

Список не исчерпывается этим перечнем, но мы приводим те направления, которые уже включены в план подготовки монографий серии «Петербургская школа журналистики и МК». Хочется надеяться, что все запланированные книги вскоре выйдут в свет и что за ними последуют другие труды, не менее актуальные по постановке вопросов и свежие по материалу. В этой полезной и своевременной работе авторам помогает авторитетное издательство «Алетейя», продукция которого традиционно пользуется высоким спросом у специалистов.

Серию открывает монография «Теория журналистики в России». На первый взгляд может показаться, что тема сформулирована слишком пространно. Действительно, теоретическими разработками в области журналистики занимаются десятки ученых, и в научном обороте находятся многочисленные публикации, включая коллективные монографии. Однако замысел нашей книги не предполагает «открытия» теории заново, с нулевого цикла. Наоборот, мы ставим перед собой задачу обозреть и обобщить солидный материал, накопленный теоретиками журналистики в России за долгие годы. Из чего складывается капитал научного знания? Какие темы и проблемы разрабатываются особенно интенсивно и последовательно? Какие научные проблемы нашли адекватное решение и какие стоят на повестке дня? По каким путям будет двигаться теория журналистики завтра и послезавтра? Конечно, монография – это не справочник, каждый автор предлагает оригинальную версию подбора, осмысления и систематизации данных из своей предметно-тематической области анализа. Но все же главная ценность проделанной работы, как представляется, заключается в представлении нынешнего состояния теории, которое базируется на результатах труда предшественников и одновременно прорастает в будущее.

Упоминание предшественников требует дополнительного комментария. У петербургских авторов уже был опыт обращения к истории отечественной теоретической мысли в области журналистики. Несколько лет назад вышла коллективная монография, посвященная начальным этапам формирования науки о журналистике в России¹. Тогда нас интересовало зарождение нормативных, социально-философских, социологических, политологических и иных теорий в XVIII–XIX веках, причем именно в трудах российских мыслителей, деятелей культуры, публицистов. Нынешнюю книгу следует рассматривать как продолжение и развитие предыдущего опыта. Теперь в качестве временного отрезка избраны в основном XX и XXI столетия. Однако внимание по-прежнему сконцентрировано на отечественной науке. Разумеется, мы затрагиваем тенденции, школы и ситуации, существующие в глобальном мире, сравниваем положение дел в России с достижениями и процессами за рубежом. Вместе с тем мы исходим из того, что в описании деятельности ведущих мировых центров журналистской науки мало

¹ Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014.

новизны, эту работу с завидной регулярностью и тщательностью выполняют сами зарубежные науковеды, прежде всего в США. Представить российскую науку можем только мы сами.

Каждая попытка такого рода пробуждает вопросы о способе компоновки и изложения содержания. Совершенно нереально представлять целую отрасль знания совокупно, без членения на значимые компоненты. Например, можно избрать проблемный подход, когда проект структурируется по зонам наибольшего интеллектуального напряжения. Оправданным было бы движение по хронологической вертикали приращения знания. Есть известные преимущества у биографического метода, который предполагает направленное внимание к заметным личностям в науке. Наша книга, как и предыдущая монография, в структурно-композиционном отношении строится по дисциплинарному принципу, хотя и без зеркального совпадения с предыдущей публикацией. В то же время данный принцип позволил использовать элементы проблемного, исторического и биографического подходов. Охватить все дисциплины, составляющие теорию журналистики, небольшому авторскому коллективу не под силу, поэтому были выбраны лишь некоторые из них, те, которые, как думается, с достаточной полнотой отражают состояние и динамику работы российских исследователей.

Раздел монографии «Теория журналистики как область исследования» открывается главой «Дисциплинарный статус теории журналистики» (автор доктор политических наук, профессор, зав.

кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ С. Г. Корконосенко). В ней рассматриваются дискуссионные сегодня вопросы о перспективах эволюции журналистики в условиях взрывного прогресса информационно-коммуникативных технологий и резких социально-культурных сдвигов. Вторая половина главы посвящена своеобразию теории журналистики, сформировавшейся в уникальном культурно-цивилизационном пространстве России. Глава «Теоретические компоненты истории журналистики» (автор кандидат филологических наук, доцент СПбГУ О. С. Кругликова) содержит крайне редкий в литературе опыт выявления теоретико-методологических оснований для изысканий российских историков прессы. Анализ обширного материала дает возможность предложить направления совершенствования методологии и методики исторических исследований.

Раздел «Социальные теории журналистики» начинается главой «Социально-философское знание о журналистике» (автор доктор философских наук, профессор СПбГУ В. А. Сидоров). В ней прослеживаются сложные процессы изменения фундаментальных представлений о назначении журналистики в обществе под воздействием, с одной стороны, смены политико-идеологических контекстов и, с другой стороны, усиления гуманитарно-антропологических тенденций в отечественной философии. Глава «Социологическое и социально-психологическое знание о журналистике» (автор доктор политических наук, профессор СПбГУ И. Н. Блохин) раскрывает содержание социологии и социальной психологии журналистики через представление основных направлений и исследовательских школ. Перспективы развития данных дисциплин связываются прежде всего с преодолением устаревших традиций и возрастанием интереса к человеку, живущему в социальном мире и существующему в медиапространстве. В главе «Политологическое знание о журналистике» (автор кандидат политических наук, доцент СПбГУ З. Ф. Хубецова) показан длительный путь движения от политической теории журналистики (по существу, выработки директив для прессы органами власти) к политологии журналистики как области научного знания, оснащенной собственным понятийным аппаратом и концептуальными решениями, представленными в исследовательской и учебной литературе. Как показано в главе, в политологии журналистики российские университеты занимают лидерские позиции в мировом сообществе. Глава «Экономические теории журналистики» (автор доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, зав. кафедрой теории и экономики СМИ, декан факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова Е. Л. Вартанова) характеризует быстро прогрессирующую в России область знаний о политэкономии медиа,

медиаэкономике и медиаменеджменте. Потребность в ее освоении на фундаментальном и прикладном уровне диктуется как реальными обстоятельствами функционирования СМИ и журналистики в экономическом пространстве, так и необходимостью адаптировать зарубежные концепции и модели к специфической отечественной практике.

В разделе «Гуманитарное теоретическое знание о журналистике» глава «Филологические теории журналистики: литературоведение» (автор доктор филологических наук, профессор СПбГУ Б. Я. Мисонжников) охватывает взаимосвязи журналистской теории с классическими традициями исследований в области словесности. К ним относится изучение формы и содержания в журналистском произведении, поэтики дискурса в публицистике, методов текстообразования, наррации и др. В России наука о журналистике как нигде в мире состоит в самом близком родстве с литературоведением. В главе «Культурологическое знание о журналистике» (автор доктор исторических наук, профессор СПбГУ М. А. Воскресенская) показано, как идет создание целостного научного направления, которое следует называть культурологией журналистики. На настоящем этапе корпус теоретических идей, трактующих журналистику в культурологическом ключе, подразделяется на два основных направления: анализ освещения в журналистике культурной жизни общества и концепции журналистики как социокультурного феномена. Отечественная наука не имеет возможности опереться на развитые теории в зарубежной литературе, поскольку там предлагаются фрагментарные подходы к изучению взаимоотношений журналистики с миром культуры. Вместе с тем российские авторы накопили немалый концептуальный и эмпирический материал, который требует целенаправленного теоретического обобщения и формирует для этого необходимые предпосылки.

1. Теория журналистики как область исследования

Глава 1.1. Дисциплинарный статус теории журналистики

1.1.1. Изменчивый объект теоретического анализа

К сожалению, нам приходится вступать в дискуссию о том, есть ли основания причислять журналистскую науку к сообществу академических дисциплин. Казалось бы, сам факт напряженной исследовательской работы на данном направлении, идущей в мире десятилетиями, если не столетиями, снимает актуальность вопроса. С точки зрения официального признания симптоматично, что с некоторых пор дисциплина «Журналистика» появилась в классификаторе конкурсов РФФИ, в разделе «Литературоведение». Однако же вопрос поднимается вновь и вновь. Возможно, здесь действует устойчивая тенденция, подмеченная российскими исследователями: «Дискуссия о праве журналистики на собственную теорию и методологию оживляется всякий раз с усилением критики в адрес средств массовой информации и журналистов в частности, якобы не в том ракурсе отражающих актуальную действительность. Непременно находятся апологеты теорий вульгарной социологии, примитивного бихевиоризма или информационной бессубъектности, препарирующие журналистику в соответствии с конъюнктурой момента»².

Если со своими сомнениями выступают представители смежных отраслей знания, то удивляться не приходится: они не погружены в чужую область занятий и в лучшем случае готовы выслушать разъяснение специалистов. Можно предвидеть суждения редакционных профессионалов, безапелляционно утверждающих, что «журналистика – это не наука, а сфера чистой практики. Тут трудно чему-то научить теоретически. Это ремесло». Правда, вряд ли можно понять автора книги – кандидата наук по специальности «Журналистика», цитирующего в своей книге приведенное высказывание: «Я согласен...»³. Сложнее обстоит дело с опытными исследователями, которые будто бы впервые задаются «вечными» вопросами. Так, по мнению скандинавских авторов, «выражение “теории журналистики” подразумевает, что изучение журналистики представляет собой научную дисциплину... Однако данное предположение может быть оспорено». Они напоминают, что для признания области исследований научной дисциплиной необходимы два условия: во-первых, ее включение в институты высшего образования, создание ассоциаций исследователей, проведение тематических конференций и т. п., во-вторых, существование определенной академической культуры со своим набором теорий и методологических инструментов. По первому признаку журналистика, похоже, становится научной дисциплиной; по второму складывается более сложная картина, поскольку «исследования журналистики не отмечены специфической и общепринятой академической

² Шевченко А. В. Журналистика: блуждающий аттрактор информационной эпохи: Научные статьи разных лет. М., 2016. С. 8.

³ Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста: учеб. пособие. М., 2013. С. 22. URL: [11](https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=yvlnt3ZbtDrg6tkw15ECRaJOpIpx7InVybc16Imh0dHA6Ly93d3cubmV3c21hbi50c3UucnUvd3AtY29udGVudC91cGxvYWRzLzlwMTUvMTEvS29sZXNuaWN0ZW5rb18tX05hc3RvbG5heWFfa25pZ2Ffemh1cm5hbGlzdGEucGRmlwiw-Gl0bGUiOiJLb2xlc25pY2h1bmtvXy1fTmFzdG9sbmF5YV9rbmlnYV96aH-VybmFsaXN0YS5wZG91LCJ1aWQ1OiIwIiwieXUiOiI5NTg4MjIwNjAx-NDkzODgwMTMyIiwibm9pZnJhbWUiOnRydWU5InRzLjoxNDk0NjAyM-DQ4OTU0fQ%3D%3D&page=22&lang=ru.</p></div><div data-bbox=)

культурой»⁴. На фоне таких категорических суждений рождаются предложения о формировании заново теории журналистики, например, в русле общей теории систем, чтобы получить «совокупный результат упорядоченных знаний о средствах массовой информации и журналистике» под названием медиалогии⁵.

Нечто подобное встречается в озабоченных рассуждениях о близкой журналистике научной области – коммуникативистике:

«В мозаичном пространстве направлений, методов и объектов великое множество учебных погружено в... содержание одной определенной дисциплины... среди них – историки, социологи, политологи, философы, экономисты, лингвисты, психологи и т. д. Если мы действительно считаем, что исследование коммуникации – дисциплина развивающаяся и приближающаяся к зрелости, то сообщество должно объединить силы, чтобы завоевать признание академического мира... Для этого требуется, чтобы мы договорились о ясно определенном, строгом и своеобразном наборе эпистемологических стандартов и развитом комплексе методологического инструментария»⁶. В коммуникативной области достичь общего согласия и в самом деле крайне трудно, учитывая необъятность и неуловимость объекта и предметов анализа. Можно ли утверждать, что у теории журналистики есть суверенная объектная область?

Представляется, что начинать дискуссию о дисциплинарном статусе науки надо именно с этой коренной проблемы, в то время как другие оценочные мерилы будут до известной степени вторичными по значимости. Совокупным объектом для теории журналистики служит журналистика, взятая в огромном разнообразии своих проявлений, качеств и взаимосвязей. Иная трактовка была бы противоестественной или, по меньшей мере, алогичной. Таким образом, нам неизбежно нужно определиться с ответом на вопрос, жива ли сегодня журналистика. Искренние соболезнования, равно как и конъюнктурные спекуляции по поводу заката или кризиса журналистики, наполняют текущую научную литературу, не говоря уже о дискуссиях в профессиональной и околопрофессиональной среде.

Вот типичный пример такой логики: «В течение многих лет вопрос “Что такое журналистика?” задавали редко... Журналистика – это то, что делают журналисты. Журналистику производят учреждения... Появление Интернета в значительной степени привело к деинституционализации журналистики... Теоретически журналистом... может быть кто угодно»⁷, – заявляют американские профессора. Почти дословно совпадает с ними в своей оценке российский журналист О. Романова: «Посмотрите, как круто почти 500 лет жили журналисты! Они всегда имели два “конца” – продавали и газету, и рекламу в ней. Жили так столетиями, и тут бац – “Конец истории”, Фукуяма и, главное, интернет, и журналистом может чувствовать себя любой, у кого есть твиттер и телефон. Профессия совершенно изменилась. Тут не нужны уже даже никакие ремесленные навыки, не говоря уж о нравственных...»⁸.

Как можно заметить, основаниями для постановки летального диагноза становятся два взаимопереплетенных симптома: неудержимая экспансия информационно-коммуникативных технологий и размывание (если не стирание) контуров профессии.

⁴ Steensen S., Ahva L. Theories of journalism in a digital age // Journalism Practice. 2015. Vol. 9. № 1. P. 2. DOI: 10.1080/17512786.2014.928454.

⁵ Суходолов А. П., Рачков М. П. К созданию теории средств массовой информации: постановка задачи // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 8, 11. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).6-13.

⁶ Heinderyckx F. The academic identity crisis of the European communication researcher // Media technologies and democracy in an Enlarged Europe: the Intellectual Work of the 2007 European Media and Communication Doctoral Summer School / ed. by N. Carpentier, P. Pruulmann-Vengerfeldt, K. Norden-streng, et al. Tartu, 2007. P. 357–359.

⁷ Russial J., Laufer P., Wasko J. Journalism in crisis? // Javnost – The Public. 2015. № 22 (4). P. 299–301. DOI: 10.1080/13183222.2015.1091618.

⁸ «Люди от телевизора начинают физиологически меняться». Расшифровка беседы Кирилла Набутова и Ольги Романовой // Meduza. 2015. 2 нояб. URL: <https://meduza.io/feature/2015/11/02/lyudi-ot-televizora-nachinayut-fiziologicheskii-menyatsya>.

Было бы странно отрицать или принижать влияние технологической революции в медийной сфере. В свою очередь, лишены интеллектуальной новизны пространные публикации, раскрывающие преимущества мультимедийности, интерактивности, мобильности каналов, по которым ныне циркулируют новости и комментарии. Это самоочевидные до банальности истины. Другое дело, как расценивать последствия технологических прорывов. Полемизуя с теми, кто сочиняет эпитафии журналистике, выдающийся теоретик сетевого общества М. Кастельс с соавторами заявляют следующее: «динамичная картинка непрерывного и разнообразного “свидетельства” и документирования реальности не очень похожа на кризис журналистики, скорее, наоборот – на взрывное развитие. Наоборот, представляется, что профессия журналиста сегодня живее, чем была когда бы то ни было, с увеличивающимся разнообразием форм и контента, меняющегося с невероятной скоростью... Кризис в журналистике представляется преимущественно кризисом традиционных бизнес-моделей для печатных СМИ и вещательных организаций... С тех пор, как потребители могут выбирать, какую информацию и из каких источников они хотят получать... они существенно реже автоматически воспроизводят привычки в медиапотреблении, реже обращаются к газетам и традиционному ТВ, и чаще – к онлайн-новостям, спутниковому и кабельному ТВ, радио и к своим смартфонам... Нас гораздо меньше волнует выживание традиционных бизнес-моделей... чем продолжающееся и расширяющееся присутствие журналистики как инструмента выражения общественных интересов»⁹.

Видеть расцвет вместо отмирания – это не только более оптимистичная позиция, но и точнее соответствующая диалектическому способу научного мышления, с его императивами непрерывной изменчивости и развития. Для исследователей журналистики это еще и аргументация в пользу сохранения объекта их научного интереса. В самом деле, по сути, нас занимает не судьба традиционных бизнес-моделей как относительная частность, а жизнеспособность журналистики в целом – как социального и культурного института, сферы деятельности, средства общественного самопознания, вида духовно-творческой практики и т. д. Попытаемся взвесить шансы журналистики на «выживаемость» по некоторым ключевым параметрам и выявить те знаки изменчивости, которые вызывают к усиленной работе исследовательской мысли.

Согласно типологическому описанию журналистики как деятельности, ее цель заключается в отражении событийной картины мира и объективном анализе социальных проблем с целью их разрешения; объектом служат социальная информация, разнообразные факты социальной действительности¹⁰. Есть ли основания считать, что цель и объект более не существуют или коренным образом трансформировались? При самом смелом полете фантазии обнаружить такие изменения вряд ли получится, поскольку действительность, разумеется, продолжает порождать события, факты и проблемы, нуждающиеся в отражении и конструктивном к себе отношении.

Затронутая аналитиками тема субъекта деятельности – журналиста и профессионального сообщества – при ближайшем рассмотрении также не располагает к трагическим заключениям. Действительно, границы сообщества журналистов теряют четкость, прежде всего благодаря многочисленности медиа и спонтанности их возникновения и исчезновения. Однако они никогда и не были абсолютно строгими, в отличие, например, от врачей или юристов. Исследователям известно, что по поводу определения журналиста (и, соответственно, журналистики, которую он производит) специалисты дискутируют с давних пор и не пришли к согласию. К примеру, в литературе встречаются такие суждения: «Описание журналиста как “ходя-

⁹ Кастельс М., Паркс М., ван дер Хаак Б. Будущее журналистики: сетевая журналистика / пер. В. Гатова // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / под науч. ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. Екатеринбург, 2016. С. 269, 271.

¹⁰ Тулупов В. В. Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты. Воронеж, 2000. С. 159.

чего парадокса”... уже показывает трудность, с которой должна сталкиваться любая попытка определения журналистики»¹¹.

Тем не менее невозможно отрицать, что специфическую редакционную работу в СМИ выполняют журналисты; именно так этих сотрудников называет действующее российское законодательство. Более того, масштабное исследование профессиональной идентичности журналистов, проведенное в России в 2016 г. Исследовательской группой ЦИРКОН по заказу Фонда «Медиастандарт», выявило, что они отнюдь не склонны растворяться в аморфной массе пользователей социальных сетей. Из опроса 400 с лишним респондентов – как штатных сотрудников СМИ, так и внештатных – выявились приоритеты в восприятии профессионала. Обратим внимание на некоторые из них. Большинство (81 %) согласилось, что журналистом может называться человек, публикующий авторские материалы в СМИ, но не на регулярной основе. Обязательным качеством считается прохождение школы в СМИ, получение знаний от опытных журналистов (81 %). В то же время пренебрежение профессиональной этикой было оценено как признак, по которому человек не может называться профессиональным журналистом (79 %), как и отсутствие интереса к общественным явлениям и проблемам (67 %)¹². При всей разнородности респондентов и выраженных мнений явно проступает вывод о том, что «своими» признаются люди, которые заняты общим делом и придерживаются принятых в сообществе правил поведения. Вряд ли здесь будет успешно работать метафора «ходячего парадокса».

Для теории, обращающей свой взгляд на субъекта журналистики, приведенные наблюдения представляются весьма значимыми. Участники опроса концентрируют внимание не на формальных признаках (профильное образование, стаж работы, должностной статус и др.), а на «формуле» профессии в ее деятельностном выражении.

По этой линии строит свои полемические рассуждения известный американский историк прессы Дж. Нерон. «Так же, как публика – это не народ, журналистика – это не журналисты, – пишет он. – Журналисты – это работники... Журналистика, однако, это – изм, то есть система представлений. Эта система представлений... является исторически сформировавшейся конструкцией, собранием всевозможных идеалов, импульсов и аксиом, в которой есть ощущение неизменности во времени, но которая меняется с каждым поколением... Это дает журналистам этический и риторический ресурс для того, чтобы... проводить различие между низкопробными новостями (например, “таблоидной” журналистикой) и журналистикой и в последнем случае между хорошей и плохой журналистикой»¹³.

Может показаться, что автор видел свою задачу в том, чтобы восстановить status quo и на этом поставить точку в напряженных спорах. Однако его размышления приобретают неожиданный прогностический оборот: «Интересный вопрос, будут ли действовать институциональные игроки, которые обладают потенциалом для укрепления журналистики... Есть признаки того, что Google и Facebook решат перенять от медиакомпаний обязанности по ответу на запросы общественности. Это повлекло бы за собой не только включение алгоритмов сокращения “фейковых новостей”, но и реальный наем очень большого и, по всей видимости, профессионального штата журналистов и редакторов, так же, как когда-то делали вещательные компании»¹⁴. Исследователям предлагается непривычная и даже обескураживающая поначалу логика анализа: журналистика как – изм продолжается, но совсем не обязательно в традицион-

¹¹ *Carpentier N. Journalism, media, and democracy // Reclaiming the media. Communication rights and democratic media roles / ed. by V. Cammaerts, N. Carpentier. Bristol (UK); Chicago (USA), 2007. P. 151; Nordenstreng K. The journalist: a walking paradox // The democratization of communication / ed. by Ph. Lee. Cardiff, 1995. P. 117.*

¹² Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе. Общий аналитический отчет по результатам научно-исследовательских работ. М., 2017. С. 32–33.

¹³ *Nerone J. What's new about truth // Russian Journal of Communication. 2017. Vol. 9, № 2. P. 205. DOI: 10.1080/19409419.2017.1323179.*

¹⁴ *Ibid.* P. 206.

ных медиакомпаниях. Это отнюдь не расхожая идея о причислении любого блогера (модератора сетевого ресурса, автора комментариев и лайков, владельца смартфона) к сообществу журналистов. В нашем сознании инерционно существует прочная взаимосвязь между деятельностью журналистов (журналистикой) и устоявшейся инфраструктурой. А что если эта зависимость перестала быть обязательной и нерасторжимой?

Зарубежным специалистам преодолеть инерцию взаимосвязи проще, они с некоторых пор используют понятие медиа, которое, с одной стороны, включает в себя печать, радио и телевидение, с другой стороны, не имеет сколько-нибудь четких семантических очертаний. В России закрепилось (в том числе на законодательном уровне) уникальное для мира понятие средств массовой информации, СМИ, в которых действуют редакции, в значительной мере состоящие из журналистов. Согласно закону, журналистом признается лицо, работающее для зарегистрированного СМИ. По всей видимости, для теоретиков журналистики пришло время разорвать (ослабить) связку журналиста и СМИ, во всяком случае в их каноническом понимании, и рассматривать субъект деятельности в расширившемся, более многообразном и вариативном измерении.

Сказанное ни в малейшей степени не означает умаления роли традиционных медийных организаций и тем более их вытеснения из профессионального поля любительскими каналами коммуникации. Иначе мы пришли бы к новому однообразию вместо расширения диапазона возможностей. Без сомнения, ценности журналистики, включая производственные навыки, формируются главным образом в крупных корпорациях и затем транслируются в индивидуальные практики. Это относится и к взаимодействию СМИ с социальными сетями, ресурсы которых медийные организации ставят себе на службу. Британские авторы книги под пугающим названием «Конец журнализма» (содержание явно не соответствует этому диагнозу) отмечают, что медийная индустрия «утверждает свои главные функции – сторожа и источника информации, – которые не может отобрать Дикая Запад Всемирной Сети. Напротив... прессе принадлежит ключевая роль... в преобразовании такой информации в продукт доступный, значимый, полезный для общественности... В этом смысле, Интернет похож на весь остальной реальный мир: он является источником информации для журналистов, местом дискурса, местом, где происходят события <...> все еще именно традиционные новостные организации формируют новостную повестку для»¹⁵.

И все же, с учетом непереводимости СМИ на иные понятийные языки и расширения зоны обитания журналистики неожиданным диссонансом звучит предложение разрабатывать в России именно теорию СМИ взамен «устаревшей» теории журналистики. Якобы это сблизит отечественную науку с международным контекстом: «Теорию СМИ создали социологи. Причем зарубежные. Вероятно, российским исследователям не хватает ощущения причастности к созданной теории, российских интерпретаций и рефлексий, референций к отечественной теории журналистики. В работах социологов мы не находим рассмотрения журналистики и создания теоретических описаний журналистики, но находим системное изучение процессов массовой коммуникации в структуре общества»¹⁶. Знак тождества между российским (советским) «СМИ» и «mass communication» или «media» ставят только простенькие школьные англо-русские словари. Да и в целом сомнительны преимущества «закрытия» одной сложившейся ветви исследований во имя процветания другой, вместо их взаимодействия и взаимодополнения.

Для идентификации журналистики все больший вес приобретают характеристики, лежащие в плоскости содержания деятельности. Не так важно, размещает ли человек свои произведения в зарегистрированном СМИ или, например, в сетевых каналах, открытых для массового

¹⁵ Конец журнализма. Version 2.0. Индустрия, технология и политика / под ред. А. Чарльза. Харьков, 2016. С. 72–73.

¹⁶ Дунас Д. В. О целесообразности создания теории СМИ на современном этапе // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 1. С. 38.

пользования. Важно, насколько его труд соответствует назначению журналистики и принятым в ней стандартам профессионального поведения. Руководитель Свердловской организации Союза журналистов России Д. П. Полянин предлагает такие критерии оценки: «Истинная журналистика представляет собой более сложное явление, чем устройство или технология. Она прямо связана с мышлением... Журналистика, по большому счету, – это и есть мнения о фактах. Если есть факты, но нет мнений, то нет и людей. Если нет людей, то нет и общества. А если нет общества и общественного интереса, то нет и журналистики»¹⁷. Голландский профессор М. ДIZE в интервью с провокационным названием «Смерть журналистики?» признает, что «термин “журналистика” может относиться ко всему и ни к чему одновременно. Она формирует богатую палитру деятельности... и включает в себя большое разнообразие действующих лиц, от военных корреспондентов до авторитетных блогеров... Короче говоря, журналистика – это динамическое понятие: оно и конкретное, и неуловимое». В то же время он отрицает гибель журналистики: «Профессиональные журналисты – это идеальные граждане: они включены в социальную жизнь, способны собирать, обрабатывать и распространять большие объемы сложной информации, и они понимают внутреннее устройство общества (политической системы, экономики и т. д.)... потребность в опытных, всесторонне подготовленных и информированных журналистах всегда будет сохраняться»¹⁸.

Мы снова видим, что – изм преобладает над формальными индикаторами профессионализма, причем в профессиональной идеологии на передовые позиции выдвигается общественное служение, шире понимая – социальность журналистики. Разговор так или иначе строится вокруг профессионализма, утрата которого якобы служит одной из примет отмирания целого социального института. В частности, высказывается мнение, будто бы угрозой ему стал беспощадный рынок: «Исследователи медиа часто описывали развитие журналистики в течение XX века как процесс профессионализации. Журналисты стали “полупрофессиональной” группой с объединяющей их сильной профессиональной идеологией... в [современной] журналистике существует тенденция к депрофессионализации под давлением рынка, и в то же время мы видим, что журналисты пытаются защищать границы и ценности своей профессии»¹⁹.

Как полагают отечественные авторы, «ускользающий характер профессии выражается в изменениях не мировоззренчески-идеологического, а формально-технологического характера, в большей степени соответствующих понятию “модель специалиста”»²⁰. Явную переключку с данным утверждением мы находим в высказываниях практикующих журналистов. «Изнутри» редакций ответ на запросы рынка выглядит совсем не как утрата границ и ценностей, а как вариации функционального «меню». Послушаем Всеволода Пулю – главного редактора проекта «Российской газеты» «Russia Beyond The Headlines», специалиста по мультимедийным технологиям в СМИ и активного медианалитика, представителя молодого поколения сотрудников СМИ:

«И главное изменение, произошедшее с журналистикой за последние 5–10 лет, – это тотальное расширение нашего, журналистского функционала и нашей ответственности. Нельзя больше говорить о том, что журналистика – это только новости, или только трафик, или только рекламные деньги, или только эксклюзивы <...> в сферу нашей ответственности попадают

¹⁷ Полянин Д. П. Некоторые размышления по поводу очередного юбилея журфака // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Вып. 19. С. 7.

¹⁸ Interview with Mark Deuze, professor of Media Studies // University of Amsterdam. 2016. 2 August. URL: <http://www.uva.nl/en/news-events/news/uva-in-the-spotlight/prof.-mark-deuze/prof.mark-deuze.html>.

¹⁹ Witschge T., Nygren G. Journalism: A profession under pressure? // Journal of Media Business Studies. 2009. № 6(1). P. 54–55. DOI: 10.1080/16522354.2009.11073478.

²⁰ Хубецова З. Ф. Политическая журналистика современной России: эволюция профессиональной идеологии vs модернизация комплекса квалификационных требований // Век информации. 2017. № 1. Философия в СПбГУ. Журналистика XXI века: профессиональная идеология для ускользающей профессии / ред. – сост. А. Н. Гришанина, С. Г. Корконосенко; отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2017. С. 295.

теперь и контент, и его упаковка, и дистрибуция, и монетизация, и способы его потребления меняющейся аудиторией, и юзабилити сайта и... тут только черта в ступе не хватает. Причем думать об этом должен не только какой-нибудь гендиректор или главный редактор, а каждый сотрудник редакции»²¹. Ясно сказано, что функциональная нагрузка возрастает и ассортимент умений становится разнообразнее, но это – добавления к производственной квалификации, а ни в коей мере не ее разрушение.

Безусловно, функциональная модель сотрудника СМИ должна находиться в фокусе внимания исследователей, равно как и преподавателей университетских кафедр. Вместе с тем не она формирует корпус ключевых теоретических проблем. Для судеб журналистики принципиальной важностью обладает смысловое наполнение понятия общественного служения, поставленное в центр мировоззренческих дискуссий о профессии.

Цитированный выше Дж. Нерон отмечает, что система представлений о журналистике в США вращается вокруг приверженности объективности и общественному служению²². Это давняя и устойчивая традиция американской теоретической школы, которую она целенаправленно продвигает в международном масштабе. По утверждению современных аналитиков из США, парадигмы, которые были выдвинуты для изучения журналистики в 1920-х, 1930-х и 1940-х годах, остаются доминирующими в Соединенных Штатах сегодня. «Огромное количество исследований журналистики посвящается Соединенным Штатам, при относительно немногочисленных сравнительных исследованиях, раскрывающих [международные] перспективы и контекст»²³. Однако в зарубежной литературе все настойчивее звучит мысль о том, что канон объективности (нейтральности, отстраненности от предмета освещения) утратил свою актуальность. Вспомним постулат М. ДIZE о профессиональных журналистах как идеальных гражданах. Ученый развивает данное положение, адресуясь к наставникам будущих корреспондентов: «Педагоги журналистики должны раз и навсегда решить, является ли журналист нейтральным наблюдателем, посторонним для работы, происходящей в общественной жизни, или участником – человеком, работающим с компонентами сообщества... журналисты должны участвовать в жизни общества, которую они освещают...»²⁴. Как бы продолжая эту полемику с устаревшими теоретическими заповедями, профессор из Гарварда разъясняет: «Объективность по-прежнему в значительной мере нужна в науке... Но мы восприняли объективность в таких областях, где ее в действительности не должно быть. Например, долгое время журналисты стремились быть объективными. Эта недостижимая цель, и призыв к тому, чтобы сообщение новостей было объективным, не просто ошибочен, но и вводит в серьезное заблуждение»²⁵. О том же читаем у британского профессора политической журналистики: «Должно быть самоочевидно, что объективность как таковая есть и всегда была бессмысленной идеей. Потому, что все журналисты – социальные животные. Они имеют пол, этническую принадлежность, семью, социальную позицию, личную историю, набор предрассудков и т. д. ... Также у них есть набор прочных, устоявшихся профессиональных ценностей и убеждений...»²⁶. Собственно, и практика зарубежной прессы резко противоречит красивым теоретическим догматам. Так, анализ публикаций западных медиа о конфликте на Арабском Востоке приводит шведского исследо-

²¹ Правила журналистов: Всеволод Пуля // ЖурДом. 2015. 19 окт. URL: <http://jourdom.ru/news/77696>.

²² *Nerone J.* Op. cit. P. 205.

²³ *Global journalism education in the 21st century: Challenges and innovations / ed. by R. S. Goodman, E. Steyn.* Austin, 2017. P. 229.

²⁴ *Ibid.* P. 332

²⁵ *Weinberger D.* Transparency: The new objectivity // *KMWorld*. 2009. № 18 (8). URL: <http://www.kmworld.com/Articles/Column/David-Weinberger/Transparency-the-new-objectivity-55785.aspx>.

²⁶ Конец журнализма. С. 87.

вателя к категорическому выводу: «Отстаивать существование абсолютной объективности – это утопическая мечта... Медиа являются инструментом войны»²⁷.

Как идеи об отказе от поклонения идолу объективности соотносятся с настроениями практиков журналистики, в частности в России? Выяснить это помогает проект группы ЦИР-КОН, на который мы ссылались ранее.

Таблица 1.

Российские журналисты о профессиональных ролях журналиста²⁸

Профессиональные роли	%
Журналистика просвещения	
Информатор, «навигатор»	66
Комментатор, аналитик	65
Модератор диалога	58
Генератор идей	45
Транслятор мнений	38
Организатор	32
Журналистика соучастия	
Помощник, консультант	39
Критик, обличитель	32
Контролер	29
Журналистика влияния	
Просветитель	30
Воспитатель, наставник	15
Идеолог, пропагандист	9
Лоббист	1
Другие	
Летописец, историк	19
Развлекатель, шоумен	10

Роль бесстрастного летописца привлекает лишь 19 % опрошенных, тогда как группа ролей под знаком просвещения явно преобладает в структуре приоритетов, и в ней высокие позиции занимают статусы комментатора, аналитика, модератора диалога, генератора идей. В основной массе участники опроса не склонны оказывать прямое давление на сознание и поведение общественности (группы соучастия и влияния), но они явным образом ощущают себя «идеальными гражданами», обеспокоенными состоянием дел в социуме и готовыми погружаться в противоборство взглядов и мнений. Хотя и не исключено, что на словах многие из них ритуально заявляют об объективности как атрибуте журналистики.

Конечно, теоретико-концептуальные разногласия не снимаются ссылкой на примеры из практики или искусной полемической аргументацией. Вряд ли можно ожидать, что концепция

²⁷ Simons G. “Good” battles and “bad” battles: A comparative analysis of Western media coverage of the battles of Mosul and Aleppo // Tractus Aevorum. 2016. № 3 (2). Fall/Winter. P. 116.

²⁸ Составлено нами по: Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе. С. 43–44.

нейтральности и отстраненности прессы, глубоко внедренная в научную среду, вскоре выйдет из употребления как не несущая в себе достаточного объяснительного потенциала. Однако мы сейчас как раз и занимаемся поиском проблемных узлов, распутывать которые предстоит современной теории журналистики, и прежде всего нас интересуют векторы развития отечественной науки. Думается, есть твердые основания утверждать, что объект ее деятельности, с одной стороны, в своих сущностных чертах сохраняется в профессиональной и социальной реальности, с другой стороны, приобретает новые свойства и формы, появление которых порождает мощные стимулы к теоретическому познанию.

1.1.2. Российская теория журналистики в международном контексте

Обращаясь к международному контексту, надо прежде всего выяснить, насколько правы те авторы, кто отказывает теории журналистики в претензиях на статус самостоятельной научной дисциплины. Если их скептические заключения верны, то о каком-либо контексте просто не приходится вести речь. Понятно, что в своих суждениях разные ученые и эксперты могут расходиться и даже занимать диаметрально противоположные позиции. Вместе с тем само по себе наличие расхождений делает отрицательную оценку уязвимой, по меньшей мере – не единственно возможной. Поэтому следует внимательно отнестись к мнениям специалистов, которые целенаправленно и в течение долгого времени изучают состояние мировой журналистики. К их числу относится Томас Ханицш, который в начале 2000-х организовал многолетний проект по исследованию журналистики в десятках странах мира (“Worlds of Journalism”), в том числе в России. Широкую международную известность приобрела также коллективная книга “The handbook of journalism studies”, одним из авторов и соредакторов которой он является. Во вступительной статье со всей определенностью говорится, что «мы должны заботиться о журналистике, потому что это помогает нам понять данный ключевой социальный институт. Мы не одни придерживаемся этой убежденности: журналистика – одна из наиболее динамично развивающихся областей в рамках более широкой дисциплины исследования коммуникации и медиа. Как показывают внушительный, хотя и не совсем однородный объем академической литературы и текущая научная работа, изучение журналистики созрело для того, чтобы стать полноправной академической областью»²⁹. Для полноты картины добавим, что подобное наблюдается и в специализированном журналистском образовании. По результатам изучения ситуации в глобальном масштабе аналитики делают вывод, что за последние десятилетия оно «стало в мире одной из наиболее динамично развивающихся академических областей»³⁰.

Думается, что разночтения в характеристике уровня развития журналистской науки обязаны своим происхождением не столько различию инструментов измерения, сколько различию масштабов рассмотрения. Критически настроенные скандинавские авторы ведут свой анализ главным образом в пределах унифицированной модели прессы и ее теоретического осмысления. Возможно, поэтому отклонения от принятых в англосаксонской традиции парадигм воспринимаются их сторонниками как знаки нечеткости дисциплинарных признаков. Авторы “The handbook of journalism studies” делают выводы на основе эмпирики из широкого круга стран. Они выступают против устойчивого англо-американского доминирования в журналистской науке. В последнее время ведущие журналы в отрасли позиционируют себя как международные и стали уделять больше внимания национальному разнообразию своих редакционных советов. Однако явное большинство редакторов и членов редколлегий представляют США и Великобританию, а ученые из-за границ англоязычного мира по-прежнему составляют мень-

²⁹ Preface // The handbook of journalism studies / ed. by K. Wahl-Jorgensen, Th. Hanitzsch. New York; London, 2009. P. xi.

³⁰ Global journalism education in the 21st century. P. 254.

шинство³¹. Выдающийся американский мыслитель и резкий критик политической практики США Ноам Хомский видел в таких примерах изоляционизма проявление общей стратегической тенденции: «Едва ли мы не первая держава на свете, сочетающая материальные интересы и высочайшие технические возможности с полнейшим презрением к мукам и горестям “неполноценных рас”»³².

Для оппонентов американоцентризма плюрализм подходов, напротив, выглядит как нормальное явление. Обозревая панораму научных школ, они пишут, что разнообразие было сформировано различными национальными традициями. Исследования в США выделяются сильной эмпирической и количественной направленностью и использованием теорий среднего уровня, в то время как в Великобритании и Австралии они развернулись в русле критической традиции, под влиянием британской культурологической науки. Напротив, французские исследования в значительной степени опираются на семиологию и структурализм и слабо известны в международном сообществе, тогда как немецкая школа традиционно осмысливает журналистику на макроуровне, под влиянием теории систем и других теорий социальной дифференциации. Многие исследователи журналистики в Азии получили образование в Соединенных Штатах и поэтому восприняли однозначную американскую ориентацию. Ученые в Латинской Америке в настоящее время переориентируются с американского примера на страны Средиземноморья, в первую очередь Испанию, Португалию и Францию³³.

Такой разброс теоретических предпочтений в географическом (точнее – социокультурном) измерении наблюдается не только в теории журналистики, он виден в более широком поле социально-гуманитарных наук. В частности, в литературе по политической коммуникации отмечается, что «если для американской традиции изучения политической сферы характерен явный крен в сторону эмпирических исследований... (политические исследования претендовали на статус точной науки), то европейская наука стремились к достижению баланса эмпирического и теоретического знания о политике»³⁴. На почве столь явных расхождений возможны противоречия и острые дискуссии, вплоть до отрицания ценности вклада в науку тех или иных авторов или даже школ. К примеру, австралийский профессор выступает с негативистским отзывом о наследии американского ученого К. Ллойда, «который считает, что американский прагматизм служит философской основой, наилучшим образом объясняющей свойственный журналистам практический подход (“cando” approach) к работе с новостями»³⁵. По мнению сторонницы теоретических изысканий, «Ллойд говорит как опытный газетный репортер, который стал ученым мужем, и стоит отметить, что это та позиция, которая получила высокое признание в области исследований журналистики, где академические исследования никогда не приносили пользу в решении практических задач в повседневной работе с новостями <...> термин “практическая теория” можно рассматривать как попытку обойти абстрактное мышление вообще в пользу подхода к идеям на уровне здравого смысла. То есть это теория без теории»³⁶.

Мы не склонны к крайним суждениям о трудах зарубежных ученых, в том числе придерживающихся прагматической направленности научной мысли. Вместе с тем нельзя не заметить, что интеллектуальный протест против доминирования одной теоретической тенденции и

³¹ Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch Th. Introduction: On Why and How We Should Do Journalism Studies // The handbook of journalism studies. P. 7.

³² Хомский Н. Избранное. М., 2016. С. 85.

³³ Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch Th. Op. cit. P. 7.

³⁴ Хубецова З. Ф. Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учеб. пос.: в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политической коммуникации. СПб., 2017. с. 22.

³⁵ O'Donnell P. Journalism and philosophy: Remembering Clem Lloyd // Australian media traditions 2007, distance and diversity: Reaching new audiences / ed. by M. Van Heekeren. Bathurst (Australia), 2007. P. 3.

³⁶ Ibid. P. 10–12.

ее настойчивого продвижения по миру перестал быть уделом энтузиастов-одиночек. Так проявляет себя приверженность свободе научного творчества, которая лежит в основе методологии науки и служит залогом международного сотрудничества. Автор книги «Наука в свободном обществе», получившей мировую известность, Пол Фейерабенд обосновал деление на два пути коллективного решения проблем: вынужденное взаимодействие и свободное. В первом случае участники принимают четко выраженную традицию и признают лишь те реакции, которые соответствуют ее стандартам. «Если некоторый субъект еще не стал участником избранной традиции, над ним будут подтрунивать, его будут “воспитывать” до тех пор, пока он не присоединится к большинству». Во втором случае традиция «не уточняется в самом начале, а разрабатывается по мере того, как происходит это взаимодействие... При свободном взаимодействии любое установление не навязывается... в нем нет канонизированной логики...»³⁷.

Своеобразные преломления этих методологических посылок обнаруживаются в теории журналистики и медиа. В последние десятилетия на Западе все чаще звучат предложения расширить географические горизонты размышлений о состоянии и развитии медиасферы и на этом пути избежать опасности изоляции западной исследовательской культуры от остального мира. Некоторые работы, в которых центральное место занимают идеи интернационализации и так называемой девестернизации (*de-Westernization*) исследований медиа, стали подлинным вызовом стабильным, казалось бы, представлениям. В число этих работ входит монография Дж. Даунинга «Интернационализация теории медиа: переходность, власть, культура: размышления о медиа в России, Польше и Венгрии» (1996)³⁸. Она была выпущена с выразительным комментарием издателя на обложке: «Это книга-провокация». По всей видимости, трудно было иначе оценить такие непривычные для Запада идеи: «...преобладающая часть теории медиакommunikации основывается на данных из двух регионов, Британии и Соединенных Штатов, для которых... характерны весьма схожие лейтмотивы в культурной, экономической и политической истории, маркирующие их отстраненность от большинства других наций планеты»³⁹.

Через несколько лет появилась коллективная работа «Девестернизируя исследование медиа» (2000)⁴⁰. Она вызвала активную солидарность с авторами и желание продолжить движение по начатому пути, особенно у исследователей из Латинской Америки, Индии, Африки и др. В одном из откликов говорилось: «Представляя многочисленные главы, собранные со всего мира, эта книга формирует прочные аргументы – почему исследовательское поле должно стать всеобъемлющим и всемирным. Она представляет собой отличный пример того, как в последнее время исследования медиа получают толчок в сторону “интернационализации” <... > Девестернизация ведет к расширению аналитических горизонтов, включая в рассмотрение факты со всего мира, которые ныне неизвестны по причине то ли языковых барьеров, то ли отсутствия интереса... Со своих начальных стадий область исследований медиа имела отчетливо западный, и особенно англосаксонский акцент»⁴¹.

Некоторые известные европейские ученые, в свою очередь, выдвигали сходные тезисы и инициативы. Одним из энтузиастов кросскультурных проектов был Ян Экекранц (Швеция), который в 2007 г. писал: «В эру глобализации интернационалистские программы должны быть усилены и открыты также для незападной медийной теории, с учетом существующих региональных реалий и трансформаций... Исследования медиа, как и социология и политология,

³⁷ Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М., 2010. С. 43–44.

³⁸ Downing J. Internationalizing media theory: Transition, power, culture: reflections on media in Russia, Poland and Hungary 1980-95. London, 1996.

³⁹ Ibid. P. x.

⁴⁰ De-Westernizing media studies / ed. by J. Curran, M. J. Park. New York, 2000.

⁴¹ Waisbord S. De-Westernization and cosmopolitan media studies. P. 2. URL: http://www.academia.edu/2971672/De-Westernization_and_cosmopolitan_media_studies 2013.

испытывают трудности в столкновении с действительностью транснационального и трансформирующегося мира. Одно из объяснений заключается в определенном застарелом “методологическом национализме”... в соответствии с которым национальное государство все еще обеспечивает заведомо предполагаемые и наиболее приемлемые концептуальные рамки – даже когда в фокусе оказываются явления за пределами национального государства»⁴². Стремясь на практике реализовать свои интеллектуальные проекты, шведские коллеги в 1990-ых годах начали широкую программу исследования медиа в государствах Балтийского региона, включая Санкт-Петербург⁴³.

Таким образом, глобальный исследовательский контекст начал изменяться по направлению от сепаратизма и изоляции к сотрудничеству. Это нельзя не принимать во внимание в российском научном сообществе, если оно не хочет упреков в «методологическом национализме». Задача заключается в том, чтобы адекватно осмыслить основные направления и требования процесса перемен, равно как и свои возможные выгоды и приоритеты. Путь этот заведомо сложен, но начинается он с относительно простого шага, а именно с признания того, что российская наука о журналистике обладает солидным капиталом и национально-культурным своеобразием, которое нельзя нивелировать в стремлении к международному сотрудничеству.

Концепции девестернизации и интернационализации тесно соприкасаются с полемикой по поводу моноцентричной или полицентричной модели развития современной цивилизации и, соответственно, унификации или многоцветности культур на планете. Приверженцы полицентричности считают искусственным и бесперспективным разделение мира на страны-лидеры и периферию, которой навечно суждена вторичность по отношению к флагманам прогресса. Эти фундаментальные положения с зеркальной точностью отражаются в сфере науки. В социально-философской литературе звучит глубокий тезис о том, что цивилизации – это «культуры, которые имеют различное структурное устройство, влияющие на динамику производства знаний»⁴⁴. Значит, принципиально невозможно добиться их выравнивания по какому-либо единому стандарту, при всей несомненной плодотворности их взаимопересечения и взаимопроникновения. В частности, «социальные науки в России не являются “конвертируемыми” на международном уровне»⁴⁵, в силу особенности отечественного социально-культурного мира в исторической ретроспективе и, надо полагать, современного развития.

В свете культурно-цивилизационного подхода каждая нация создает свой собственный модуль теории, образования и практики журналистики, который коррелирует с определенными культурными устоями, обычаями, ценностями и т. д. Некоторые нации склоняются к англосаксонскому академическому знанию, другие более или менее самобытны. Соответственно, в мире существует (потенциально может существовать) много центров теоретико-журналистской мысли, и сегодняшние отношения между центрами и перифериями не являются данностью на вечные времена.

Будем различать особенность, или оригинальность, и вторичность, или периферийность. Это различие в значительной мере лежит в области психологии ученых и их самооценки. Стойкая привычка осознавать себя глубокой провинцией на карте научного мира формирует синдром периферийности, который становится тормозом на пути теоретического поиска. Понятие синдрома периферийности встречается в обществоведческой литературе, в частности, когда рассматриваются проблемы социально-экономического развития регионов. Носителями синдрома являются жители региона, он существует на уровне психики и сознания как

⁴² Ekecrantz J. Media and communication studies going global // Nordicom Review. 2007. Jubilee Issue. P. 169–170.

⁴³ Ekecrantz J., Olsson T., Ericson S., Åker P. Media societies around the Baltic Sea. Cultures and communications in transition // Nordicom Information. 1999. № 3. P. 81–85.

⁴⁴ Shirokanova A. Inter-civilizational dynamics of scientific knowledge creation between zones of intellectual stagnation and creativity // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 6(45). С. 270.

⁴⁵ Там же. С. 269.

неадекватная форма отражения действительности, выраженная в последующем неадекватном поведении⁴⁶. В контексте нашего анализа примечательно и важно, что данный феномен стал предметом беспокойства исследователей журналистики и медиа целого региона мира – Центральной и Восточной Европы. Конференция консорциума СЕЕСОМ-2017 (Central and Eastern Europe Communication) (Любляна, июнь 2017) носила название «Critique of/at/on periphery?» и была посвящена критическому осмыслению зависимости (вторичности) научной мысли в регионе от теоретических постулатов ведущих западных школ, прежде всего американских. Для России данная проблематика не менее актуальна. С нашей стороны интернационализация предстает как восприятие опыта и концепций, идущих из других районов мира, и одновременно необходимо осознавать себя крупной научной державой, не страдающей синдромом периферийности. На конференции СЕЕСОМ-2017 мы выдвинули идею компромисса приоритетов⁴⁷, то есть органичного сочетания своего и стороннего, которое принесет гораздо больше пользы науке, чем бессодержательные дискуссии об абсолютном и неоспоримом лидерстве в глобальном масштабе.

В самом деле, до крайности неверно было бы упрекать отечественную теорию журналистики во вторичности, учитывая длительность ее биографии и глубину исторических корней. В Санкт-Петербургском госуниверситете выполнен коллективный исследовательский проект, который выявил истоки теоретико-журналистской мысли в России⁴⁸. Они обнаруживаются в XVIII–XIX веках, в трудах выдающихся мыслителей, редакторов и публицистов. Уже тогда были заложены предпосылки формирования социологии и психологии журналистики, политологического и культурологического анализа прессы, нормативных теорий журналистики и т. д., разработаны и проверены опытом методики эмпирических исследований печати и ее аудитории. Это были подлинно новаторские оригинальные концепции, рождавшиеся без заимствований из-за рубежа и преломлявшие в себе отечественные социально-культурные реалии.

На следующих этапах движение научной мысли направлялось к созданию самостоятельной дисциплины, причем имеющей комплексный характер по охвату тем и вопросов. К примеру, историки обращают внимание на то, что в начале 1920-х гг. ректор знаменитого Государственного института журналистики (ГИЖ) К. П. Новицкий провозгласил необходимость разработки журнализма как самостоятельной науки. По его плану, изучение периодики должно быть: 1) историческое (ее эволюция в зависимости от изменений форм хозяйствования); 2) производственно-технологическое (изучение средств, орудий и способов газетно-журнального производства); 3) статистическое; 4) идеологическое (содержательное), в том числе классификация периодики и ее произведений по темам и формам изложения. Многие уже было сделано в те далекие годы⁴⁹.

Теоретические разработки в области журналистики получили целенаправленное развитие в послевоенные годы. Стоит бросить взгляд на исторически недавнее прошлое, чтобы увидеть достаточный материал для осмысления и теоретико-концептуальной атрибуции.

Теоретический арсенал советского времени, взятый совокупно, как формационное явление в научной истории заслуживает углубленного внимания. Нет необходимости в детальном описании его атрибутов и составных частей, это многократно и подробно было сделано в соответствующие годы⁵⁰. Для признания существования целостной научной школы важно, что в

⁴⁶ *Якобсон-Оболенский С.* Калининградский эксклав: модернизация пространственного планирования на уровне европейской периферии // Мегарегион – сетевая конфедерация. URL: http://net-conf.org/articles_text_28.htm.

⁴⁷ *Berezhnaia M., Korkonosenko S.* Theoretical and pedagogical journalism schools in Russia: the compromise of priorities // СЕЕСОМ 2017 – Critique of/at/on periphery?: Book of abstracts. Ljubljana, 2017. P. 8–9.

⁴⁸ Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014.

⁴⁹ *Фатеева И. А.* Первая научно-образовательная школа журналистики в России: ГИЖ // Век информации. 2017. № 3. С. 65.

⁵⁰ *Бережной А. Ф.* Ленин – создатель печати нового типа (1893–1914 гг.). Л., 1971; *Кузин В. И.* Газета – орган партийного

масштабах социальной мегасистемы (Советский Союз и государства социалистического блока) сформировалось однородное направление теоретической мысли, восходившее к определенной – марксистской – идеологии, давшее имена признанных исследователей-лидеров и воспроизводившее себя в трудах нескольких поколений специалистов. Надо добавить, что директивное одобрение (и даже насаждение) идеологического единообразия отнюдь не исключало ни полемичности в понимании методологических вопросов – например, по поводу принципов журналистики⁵¹, ни разработки категориального аппарата на уровне «высокой» теории. В последнем случае надо вспомнить о введении в оборот и осмыслении категорий законов, функций, назначения, эффективности журналистики, которые в иных исследовательских культурах чаще рассматривались с уклоном в эмпиризм.

Обращение к ушедшей реальности служит не только и не столько данью памяти, оно оправдано с позиций оценки сегодняшней ситуации в отечественной науке. Для гуманитарного познания особенно значим вывод науковедения о том, что «переход к новой парадигме отнюдь не означает полного перечеркивания прежней. Возможна такая модель развития науки, когда сохраняется преемственность между старой и новой парадигмами...»⁵². В новых исторических обстоятельствах нет места советским постулатам, но проложенное тогда методологическое русло не стоит предавать забвению. Это особенно важно иметь в виду, когда речь идет о проблемах, относительно далеких от политико-идеологического контекста времени. В частности, о профессионально-творческих стилях и методах труда в журналистике. 1970–1980-е годы прошлого столетия в нашей стране были ознаменованы углубленной разработкой вопросов публицистики как особого рода творческой деятельности в журналистике, явления культуры и способа познания действительности, в органичной связи с ними изучались законы и методические основы журналистского мастерства. На этой проблематике сосредоточили усилия видные теоретики, следом за которыми шли многочисленные продолжатели⁵³

комитета. Л., 1971; Средства массовой информации и пропаганды / сост. Б. М. Морозов. М., 1984; *Ученова В. В.* Основы марксистско-ленинского учения о журналистике. М., 1981 и др.

⁵¹ *Бережной А. Ф.* О ленинских принципах советской журналистики // *Бережной А. Ф.* Ленинская журналистика: некоторые вопросы теории и факты истории. Л., 1989.

⁵² *Павельева Т. Ю.* Трансформация содержания деятельности научно-образовательных школ в условиях смены научных парадигм // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Филос. науки.* 2011. № 3. С. 114.

⁵³ *Горохов В. М.* Закономерности публицистического творчества. М., 1975; *Здровега В. И.* У майстерні публіциста. Львів, 1969; *Прохоров Е. П.* Искусство публицистики. М., 1984; *Стюфляева М. И.* Поэтика публицистики. Воронеж, 1975; *Ученова В. В.* Гносеологические проблемы публицистики. М., 1971; *Черпахов М. С.* Таинства мастерства публициста. М., 1989 и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.